

Margaret Ruan

ХРАНИТЕЛИ

ОБЕРЕГОВ

ПУТЬ ВТОРОЙ

Margaret Ruan

Хранители оберегов. Путь второй

«Автор»

2026

Ruan M.

Хранители оберегов. Путь второй / М. Ruan — «Автор», 2026

Тьма пришла в Великий Лес. Боги готовятся к войне. Но самое страшное – не сражение богов, а цена, которую платят люди. Настасья и Микула прошли через Великий Лес, чтобы получить обереги и спасти свои деревни. Но вместо возвращения домой они попали в лапы ведьм. Теперь сила Настасьи принадлежит тёмному богу. Чтобы выжить, она должна предать единственного друга. Микула смог убежать. Но как спасти подругу? Новая знакомая с крыльями обещает помочь, но можно ли верить той, кто видит будущее? Смогут ли они вернуться домой с оберегами, когда зло уже смотрит на них изнутри? Во второй книге «Хранителей оберегов» нет правильных решений. Есть только выбор между тем, кого ты любишь, и тем, кем ты становишься.

© Ruan M., 2026

© Автор, 2026

Margaret Ruan

Хранители берегов. Путь второй

Хранители берегов.

Путь второй

Пролог - Стратим

Золотистые волосы падали на глаза парня, Жата не могла разглядеть их, не могла прочесть. Парень улыбался, подняв руку вверх. В ней он крепко сжимал деревянную фигуру медведя. За его спиной медленно садилось солнце, озаряя тёмный лес внизу. Жата нахмурилась, ощущая в сердце беспокойство. Она знала, что будет дальше, и ей хотелось предотвратить это, но ноги не слушались. Они стали тяжёлыми и чужими, словно не из кожи и плоти, а из горсти камней сделаны. Она не могла сделать ни шагу вперёд, оставалось только тянуть руки и кричать. Огромная тень пролетела над ней, и острые птичьи лапы схватили светловолосого парня за плечи. Птица была в три раза больше него, с рыжими как огонь перьями, а на месте птичьей головы была человеческая. Рыжие пряди прятали девичье лицо, но Жата отчётливо слышала смех. И знала имя этой птицы. Стратим - мать всех птиц, но зачем ей человеческий мальчик? Жата хотела это узнать, она пыталась сделать шаг, тянула руки к парню, хлопала крыльями за спиной. Сколько бы девушка не трепыхалась, а помочь светловолосому юноше не могла. Его крик раздирал её душу, но Жата не могла его спасти, и только слезы катились по щекам. Из раза в раз огромная птица впивалась в него когтями, оставляя на белой рубашке окровавленные пятна. Он ронял горькие слезы, кричал чье-то имя, молил о спасении, а Жата наблюдала.

Девушка вскочила в потемках, рубашка липла к спине от холодного пота, грудь вздымалась от сбитого дыхания. В маленькой юрте шамана было пусто, и только очаг в середине тихо тлел. Жата приложила руки к лицу, смахивая слезы со щёк. Эти сны мучили её с новолуния и до полной луны, за это время она успела поговорить с родными, с главой селения и пройти нелегкий путь к шаману на вершине гор. Сегодня она спала в его доме, хозяин юрты вежливо уступил ей постель. Обычно Жата спала на женской половине, но у шамана были свои правила жизни. Он никогда не следовал правилам селения. Жату восхищало это, ведь она сама тоже была исключением из правил.

Тяжело вздохнув девушка обулась и села расчесывать волосы. Заплетя две косы с лентами, она скинула мокрую рубашку и достала свою одежду. Перед этим довольно расправила крылья, что держала сложенными во сне. Жата чувствовала каждое перышко как кончики собственных пальцев. Она родилась обычным ребёнком, но уже через пару дней на спине появились бугорки. А через год крылья прорезались. Она сама не помнила того дня, но родные часто рассказывали ей. Шаман провозгласил что отныне она его ученица, неприкосновенное дитя, принесшее счастье их поселению и защиту. Жата так себя не чувствовала. Благодаря тем словам никто не задирает её, никто не говорил про её крылья плохо. По крайней мере прямо в лицо, но за спиной шептались. Девушка помнила, как многие женщины думали, что девочку подменили в младенчестве. Что это нечистая сила унесла настоящую малышку к себе и съела, а

она лишь подделка, что однажды убьёт всех их. Обида надолго засела в ней, но родители молчали и любили её. Перешивали её платья, чтобы она могла просунуть в них крылья. Вкусно кормили, осыпали комплиментами, но ничего не говорили людям в селе. Жата так больше не могла. И вот теперь ещё и сны странные начались. Ей хотелось сбежать.

Жата с трудом оделась в чистую рубаху, тёплые штаны и сапоги. Платья носить было почти невозможно, но верхний расписной камзол она носила, так хоть немного можно было скрыть, что носит она мужскую одежду. Что собственно позор для любой девушки. Грудь от камзола ужасно ныла, как и крылья, но зато даже в самые ветреные ночи ей было тепло. Выйдя из юрты девушка увидела шамана у небольшого костра. Звезды над ним сияли на ночном небе, складываясь в созвездия предначертания судьбы чужих людей. Шаман читал их легко и просто, что Жате совсем не удавалось. — Дедушка, — позвала она шамана, медленно к нему приближаясь. Закрытые веки старика дрогнули и открылись, тёмный взгляд, как сама ночь, впился в девушку. — Садись, — мягко кивнул он головой, перья в его голове зашелестели. Жата ловко уселась напротив, скрестив ноги.

— Видел я твои сны, — медленно, словно нараспев начал говорить старик. Жата замерла в ожидание. Дедушка был единственным, кто честно с ней общался. И единственным, кто ей помогал.

— Что же там? Что? — тихо спросила ученица. Старик поднял руку, увешанную браслетами-оберегами, на старческой обвисшей коже они выглядели более массивными, чем были на самом деле.

— Не торопись. Ты вечно спешишь, куда? Я же тебе говорил, ты должна быть мудрее. Мудрая жена – лучшая судьба для воина.

— Дедушка, ты лучше меня знаешь – не быть мне ни невестой, ни женой. Этот дар обрек меня с рождения, — в подтверждение своих слов ученица распахнула свои огромные крылья. Огонь в костре покачнулся в сторону шамана. Песочного цвета перья задрожали на ветру. Крылья высились над ними как скала над камушком. Старик тяжело вздохнул.

— Даже такой дар не делает тебя плохой. Я уже веду переговоры с одной семьёй, — на эти слова Жата лишь громко засмеялась. Девушка знала, какие слухи ходят о ней по селению. Она не глухая: слышала шепотки за своей спиной, знала что никто не решится связать с ней судьбу. Но ей и не надо было. Если только он придёт за ней, если только он сдержит обещание, то будет у неё и семья, и свадьба, и лучшая жизнь.

— Что там со снами, дедушка? — переменяла тему девушка.

— Судьба, — снова тяжело вздохнул старик, смотря в огонь, — зовёт тебя. Пришло время платить за дар свой.

— За тот, что я не просила, — усмехнулась темноволосая ученица. Жата догадывалась, что всё не так просто. Никому более боги не принесли в подарок огромные крылья. Да и в лесу, что был не так далеко от них, явно что-то происходило. Животные оттуда бежали, существа, что были лишь в сказках у костра, теперь мелькали в ночи. Они смотрели светящимися глазами на них и уходили прочь. Куда они держали путь? И от чего?

— Твой сон обман, но что-то в нем правда. Тебя зовут боги, они дают подсказки, дают крохи по которым ты найдёшь путь. Если будешь слушать сердце, то оно тебя приведёт, — слова шамана звучали абсурдно и одновременно понятно.

— Куда?

— Туда где ты должна быть, — шаман посмотрел на нее тяжёлым взглядом, — но ты можешь остаться. Я всё устрою.

Жата смотрела в ответ, не зная, что сказать. С одной стороны она чувствовала это. Ощущала каждой клеточкой своего тела, закрывая глаза – видела дорогу во тьме и знала, её ждут. С другой ей так хотелось остаться тут. Приходить к бабушке готовить, кто ещё, если не она? Обучаться чтению звезд, понимать чужие сны, вести людей к их счастью. Она хотела принести пользу своему селению.

— Я вернусь и тогда сыграем свадьбу. Но жениха выберу сама, — старик рассмеялся и довольно кивнул.

— Будь по твоему, внучка! Но обещай воротиться к Сюмбеля¹.

— Обещаю, бабушка, — Жата, радостная, убежала собираться в путь.

— Возьми лук и стрелы! — вдогонку крикнул старый шаман. Костёр у его ног одобрительно трещал. Так в одну из ночей Жата решила встать на тропу приключений, не подозревая, куда её это приведёт.

Глава 1 – В ловушке

Первый вздох, который Настасья ощутила, был полон боли. Болело в груди, болели запястья рук, болела голова, было ощущение, что её волокли по земле и били о каждый корень дерева. Девушка приоткрыла глаза, постепенно привыкая к полумраку помещения. Пахло тёплой кашей, сосной и воском — совсем не так, как ожидала Настасья. Рядом раздались шаги, а затем два голубых глаза уставились на неё. Настасья ахнула и попыталась пошевелиться, но верёвки на руках не позволили ей даже сесть. И всё же девушка была рада видеть знакомое лицо.

— Василиса, — прохрипела Настасья, радуясь травнице. На мгновение пленную отпустил страх и ужас. Настасья обрела маленький огонёк надежды, что всё будет хорошо. Травница легонько дунула, убирая чёрные пряди с глаз.

— Очнулась, — мягко произнесла она, дотрагиваясь до щеки блондинки своими холодными пальцами. — Ты уж извини за такой приём.

Травница осторожно посадила девушку и позволила ей удобно облокотиться на стену избушки. У Настасьи кружилась голова, она слабым взглядом обвела комнату: в одном углу стояли свечи, слабо освещающие пустое помещение. Ни печи, ни кровати, ни окон — только солома у противоположной стены и дверь. Настасья тяжело дышала, ощущая сухость в горле; за каплю воды она сейчас бы многое отдала.

Словно слыша её мысли, Василиса поднесла к её рту кувшин. Холодная влага лилась в рот Настасьи, та жадно глотала, пока холодные капли катились по шее, моча её рубашку и красный сарафан. Напившись вдоволь, девушка поблагодарила травницу.

— Ты можешь меня развязать? — спросила она, не понимая, почему её вообще связали. Как Василиса смогла её найти, как отвоевала у проклятой огненной ведьмы? Травница мягко улыбнулась и загадочно посмотрела на девушку.

— Ты, наверное, не поняла ещё, — начала она, но её тихие слова были прерваны резко открывшейся дверью.

— Василиса! — Лиса вошла, если так это можно было назвать, твёрдым шагом.

Тёмное зло, заменяющее ей ноги, колыхало подол мглистого сарафана. Рыжеволосая ведьма бросила презрительный взгляд на Настасью и растянулась в хищной улыбке.

¹ Сюмбеля - праздник урожая у татарского народа. Его отмечают в день осеннего

противостояния, когда урожай убран, а осенняя посевная уже закончена.

— Так наша сестрёнка проснулась, — радостно произнесла ведьма, поворачиваясь к пленнице.

— Сестра, — Василиса обеспокоенно схватила ведьму за локоть. — Ты же её пугаешь.

— Чушь! — вырывая руку, ответила Лиса и приблизилась к Настасье. Та, в свою очередь, с ненавистью смотрела на ведьму. Девушка присела на корточки перед ней, с улыбкой глядя в глаза. — Ей ни капли не страшно, — громко объявила ведьма, с радостью в голосе. — Тебе же любопытно, да? — уже тише добавила она.

— Да, — оскалилась девушка. — Мне любопытно, как убить тебя, — злобно произнесла пленная и плюнула в лицо Лисе. Рыжеволосая утёрлась рукавом и засмеялась — громко и сладко, словно исполнилась её мечта. Она поднялась на ноги, откидывая распущенные волосы за спину.

— То что нужно. Василиса, развяжи её.

— Сестра, — обеспокоенно произнесла девушка, склоняя голову; чёрные волосы скрыли голубые глаза ведьмы. — Это же опасно.

— За кого ты боишься больше? За малышку Настасью, что смогла пробудиться лишь недавно? Или за меня? — тёмное густое месиво расплзлось из-под её подола, заполняя весь пол. — Ту, что владеет всем злом этого мира.

Настасья в ужасе вжалась в стену. Зло окутывало её ноги, вызывая отвращение. Его прикосновения напоминали девушке болото — то самое, в котором чуть не утонул Волх. Воспоминание о верном друге, словно золотая стрела, пролетело в голове, рождая надежду. Она не должна паниковать, не должна бояться. У неё есть силы, есть берег, есть кого защищать. Ради семьи она должна сражаться! Но опрометчиво бросаться на Лису было глупо, Настасья это понимала.

— Я переживаю лишь о том, что скажет наш хозяин, — спокойно ответила Василиса.

Она ни капли не боялась Лисы, и Настасья уже успела сложить в голове все эти факты. Василиса была ведьмой, что пряталась в их деревне. Но зачем? Если уничтожить, то возможно, она бы это уже сделала, раз стоит тут. Или они изначально знали о ней и её силах и просто следили? Тогда с родными всё хорошо?

Упоминание Сварога успокоило Лису. Зло снова свернулось под её подолом, а сама ведьма лишь тяжело вздохнула.

— Так как же ты предлагаешь мне донести до нашей младшей, кто она на самом деле? — скрестив руки на груди, спросила та.

— Так же, как ты это сделала с нами, — мягко улыбаясь, ответила Василиса и вышла из комнаты. Лиса ещё какое-то время стояла молча, словно пыталась справиться со своими чувствами. Затем медленно подошла к Настасье и снова присела перед ней. Она протянула к ней руку, мягко дотронувшись до щеки; зло щупальцами потянулось Настасье за спину и развязало руки.

— Давай начнём с начала, — Лиса сказала это так мягко и нежно, что сердце девушки дрогнуло от неожиданности и удивления.

«Просто выслушаю их, а потом, подобрав момент, сбегу», — решила пленница, молча кивая надзирательнице. Ведьма улыбнулась нежно, мягко, как мать своему ребёнку, и помогла Настасье встать, избавив от верёвок.

— Ты проспала несколько дней, пойдём, поедем для начала, — рыжая лисица подтолкнула Настасью к выходу за дверь.

В этой комнате были печь и длинный стол, накрытый яствами. Всё казалось таким тёплым и уютным, совсем не естественным для ведьм. Настасье казалось, что всё должно быть иначе: скудный домик, травы, холодная похлёбка, кости животных. Но на деле это был обычный дом. Василиса ставила на стол кувшин с водой, а рядом сидела ещё одна девушка — на вид ей было не больше, чем Настасье. Она жевала блинчик и что-то мурлыкала себе под нос. Её светлые волосы лежали на левом плече, а на голове красовался венок из ярких полевых цветов и лент. Услышав шаги, девочка повернула голову и радостно вскочила.

— Новая сестра! — Василиса хотела остановить малышку, но та ловко подскочила к Настасье и схватила её за руки. — Как твоё имя, сестра?

— Настасья, — заторможенно ответила пленница.

— А я Вета. Я так рада тебе! У нас давно не было новых сестёр. Мне так не терпится узнать всё о тебе, показать тебе всё, научить. Вы же позволите мне быть наставницей Настасьи? Посмотрите, мы же как сёстры-близняшки! — Вета тараторила без остановки, не позволяя и слова вставить. Ко всему прочему, она была права: они похожи. Один цвет волос, одинаковый рост, цвет глаз, форма лица и разрез глаз. И всё же разница отчётливее бросалась в глаза — в мимике, словах, телосложении и тонких сигналах тела.

— Вета, помедленнее, она ещё ни на что не согласилась, — тяжело вздохнула Лиса, садясь за стол. Василиса поспешила наложить рыжей еды в тарелку. Та мягко поблагодарила. Вета усадила Настасью за стол на своё место.

— Почему ты ещё не согласилась? Что-то не так? Тебе что-то не нравится?

— Я ей ещё ничего не рассказывала, — вместо Настасьи ответила рыжая.

— Так давай расскажу я!

— Для начала Настасье надо поесть, — строго сказала Василиса. Удивительно, но на младшую ведьму это быстро подействовало. Вета молча ждала, когда все поедят. Лиса подкладывала ей добавку и гладила временами по голове. Трапеза проходила молча, и никакой вражды в свою сторону Настасья не ощутила. Всё происходило так, словно она в гостях у чужой семьи. Когда с трапезой было покончено, Вета встала во главе стола, с позволения Лисы.

— Быть нашей сестрой, быть ведьмой — это большая удача. Твои силы могут стать благом для людей и близких, — начала свою возвышенную речь Вета, а Настасья потерялась окончательно: ведь по её мнению, ведьмы хотели лишь одного — уничтожить других людей. — Матушка-земля никогда не даст тебе умереть от голода, ты не потонешь в болотах, а твои травы... Да что там травы — ты можешь и их, и цветы, и деревья взрастить! Только представь: ты можешь обернуться котёнком, злым волком или иголкой на веретене — никто не сможет тебя поймать. Но главное — мы, твои сёстры, будем всегда рядом. Поддержим любое твоё решение. Захочешь уничтожить небеса — мы встанем рядом, захочешь душу из Змеиного царства поднять — мы дадим тебе силы. Ни предательств, ни осуждений. Кто ещё позаботится о тебе, если не мы?

— Моя семья, — ответила Настасья, и девочка удивлённо умолкла. Никто из ведьм не имел семьи. Они держались друг за друга, потому что за спиной уже были предательство, потери и гонения. Лиса тяжело вздохнула, скрестив руки на груди.

— У меня для тебя плохие новости, — сердце Настасьи оборвалось. Она вскочила

сразу, как эти слова сорвались с уст рыжей ведьмы.

— Что ты сделала с ними?! — в ярости закричала девушка.

— Я? — шокированно удивилась та. — Ничего, я за тобой бегала, если забыла.

Девушка злобно повернулась к Василисе.

— Нет, Настасья, ты всё не так поняла. Я покинула деревню вместе с тобой. Я жила там, только чтобы обучить тебя.

— Что с моей деревней? — злобно спросила блондинка, смотря на печальные лица девушек.

— Пожар, — тихо ответила Лиса.

— Была гроза, и одна из молний попала в избу, — тихо произнесла Василиса.

— Нет, — в шоке прошептала Настасья.

— Одну? Давай честно, Василиса. Сам бог Перун обрушил свой гнев на тот клочок земли, — усмехнулась рыжая ведьма.

— Нет.

— Когда я прибыла, выживших почти не было. Пепел, сожжённая дотла земля и горстка стариков. Никто из твоей семьи не смог спастись, — с глубокой печалью продолжила черноволосая ведьма.

— Нет! — закричала девушка, падая на колени и заливаясь слезами. — Нет, нет, нет, нет!

Вета хотела подойти, но Лиса покачала головой. Она сама подошла к Настасье, которая до крови царапала пол ногтями.

— Я могу отвести тебя туда, — её тёплая рука легла на плечо девушки. Та удивлённо посмотрела на своего врага.

— Отвести? — сквозь слёзы и боль Настасья усмехнулась. Убийца хочет показать ей результаты своего труда. Смешно, но лучше ситуации не придумать. Уйти подальше от этих двоих и расправиться с Лисой, а потом найти Сварога и разорвать его. — Ну давай, — согласилась она.

Вета подскочила к Настасье со слезами на глазах.

— Прости меня, — она села рядом с девушкой, взяв её окровавленные пальцы в свои руки. — Прости.

Вета приложила губы к ранам, и те медленно начали затягиваться. Настасья замерла. Какой же силой обладали ведьмы на самом деле? Был ли у неё шанс победить их?

— Прости, я не знала, — девочка была так расстроена, что чуть не плакала. Настасье было жаль её. Малышка, наверное, многое пережила и просто не смогла найти места тише, чем логово волков. Может, Вета вообще не желала никому зла — просто одиночество и страх заставили её цепляться за злодеев. «Интересно, сколько невинных душ Сварог обратил против мира? Понимают ли они, что вредят людям?» — думала Настасья, пока малышка лечила её пальцы.

— Я отвезу тебя, — вдруг решительно заявила девочка и посмотрела на Лису. Рыжая кивнула, одобряя поступок младшей сестры.

— Сестрица, — Василиса мягко обратилась к рыжей. — Позволь мне поехать с Настасьей вместо тебя. Всё же это место хорошо знакомо мне.

— Да пожалуйста, — отстранённо сказала девушка. — Я совершенно не против. Развлекайтесь.

Вета помогла Настасье встать.

— Я не злюсь на тебя, — тихо шепнула девушка малышке, и та заулыбалась. Взгляд

пленницы скользнул по шее хрупкой ведьмы, и она заметила, что из-под рубахи выбивается край большого синяка. Сердце девушки сжалось. Теперь она действительно видела сходство с Ветой. Малышке было больно, но всё время она улыбалась и смеялась, не показывая боли. Она была сильной, как и сама Настасья. Не плакала, когда было больно, не показывала истинную себя, никому не говорила правду о своих чувствах. Она не позволяла себе слабости, так же как и избранная богом девушка. Почему-то из-за этого Настасье захотелось верить, что Вета точно ничего плохого людям не желает. Не могла такая сильная и жизнерадостная малышка желать другим людям зла.

Они вышли на улицу, где солнце нежно освещало высокие дубы. Избушка грелась на небольшой полянке, заботливо спрятанная от чужих глаз кустами и деревьями. Ветер тихо шелестел листвой, ни звука более не было. Не пели привычно птицы, не жужжали пчёлы и комары, не было ни одного зверя в округе. Словно мёртвая земля, искусно замаскированная под обычный лес. Вета мгновенно обернулась белым волком. И хоть он был крупнее своих сородичей, вряд ли на нём можно было прокатиться двоим.

— Ты слишком маленькая, дай помогу, — рыжая ведьма мягко протянула к Вете руки, а по ним уже жадными нитями тянулось зло. Чёрные путы обвили хрупкое тельце, проникая прямо под шерсть; они питали чужое тело. Постепенно Вета стала больше, её шерсть окрасилась в чёрный, а глаза стали алыми, словно ягоды рябины зимой.

Острый оскал смахивал на кровожадную улыбку, Настасье стало дурно. Она не слышала мыслей Веты, не знала, что та хочет сделать или сказать. Лиса довольно улыбалась, смотря на младшую сестру.

— Так-то лучше. Бегите напрямую через зло — оно вас не тронет. Через пару часов, думаю, будете на месте.

— Хорошо, сестра, — Василиса села первая и протянула руку Настасье. Девушка неуверенно забралась и обняла травницу сзади за талию.

— Мы так близко? — спросила блондинка, на что знакомая тихо усмехнулась.

— Лес, знаешь ли, маленький. Мы все тут близко друг к другу живём, — ответила черноволосая, крепче впиваясь в шерсть волка под ними. Вета не стала ждать, когда девушки попрощаются со старшей сестрицей, и с места рванула в лес. Настасья прижалась лицом к спине Василисы — от неё привычно пахло пихтой и смородиной, родной и привычный запах. Совсем скоро он исчезнет, а она собственными глазами увидит, что стало с её домом. Настасье всё ещё не хотелось верить в то, что все её родные люди мертвы. И уж конечно, она не верила в то, что это сделал бог Перун.

Глава 2 – Спасенный

Жата прыгала с ветки на ветку, всматриваясь вниз. Там, среди плотных ветвей и густой листвы, мелькала мелкая дичь. По звериным тропам бежали то лисы, то волки. И все держали путь в одном направлении. Прочь. Прочь из леса, из его тайных глубин. Прочь из домов и нор, подальше от теплого и сытного места. Животным не свойственно было так себя вести. И потому девушка точно знала: ей надо туда, откуда они убегают.

Сердце бешено колотилось в преддверии волнительного открытия. Жата понимала: ничего хорошего ее там не ждет. Но что-то тянуло ее, звало, сквозь множество верст тянулась красная нить судьбы. Ее судьбы.

Лететь в столь плотном лесу было неудобно, приходилось порхать с ветки на ветку, создавая вокруг себя лишний шум. Именно его и услышала светловолосая девушка внизу. Она резко подняла взгляд от своей добычи и посмотрела прямо на Жату. Та сразу поняла намерение незнакомки и, недолго думая, подняла лук, вложив в него стрелу. Тетива натянулась и с легким звоном отправила стрелу прямо в ведьму. Белокурая отскочила, сыпля ругательствами. Она попыталась направить силы природы на Жату, но та уже выстрелила новой стрелой, не давая ведьме стоять на месте.

Не имея возможности сконцентрироваться и защитить себя, ведьма ретировалась. Жата приземлилась рядом с парнем. Он выглядел молодо, казалось, ему столько же, сколько и ей. Мягкие черты лица, темно-пшеничные волосы, белая рубаха да красные сапоги. Недалеко от него лежала сумка с вещами.

— Ограбить хотела? — предположила девушка, хлопая парня по щекам. Но тот не очнулся.

— Опоила, — принюхавшись, поняла Жата. — Значит, убить думала.

Жата пристальнее всмотрелась в лицо парня — ей казалось, что она его уже видела.

Спустя пару долгих минут крылья за ее спиной распахнулись, и она отшатнулась.

Парень был ей слишком хорошо знаком: ведь каждую ночь в ее снах его краля

Стратим.

Жата закружила вокруг парня, не зная, как быть. С одной стороны — вот она, та самая судьба, а с другой — не было доказательств. Брюнетка закрыла глаза, глубоко вздохнула, сложила крылья и расправила складки на камзоле. Прислушалась к себе. Зов умолк, непреодолимое желание, что тянуло ее сюда, исчезло. Сердце все так же бешено стучало под слоями одежды.

— Значит, он, — решительно кивнула головой девушка и принялась искать хворост.

Ждать, пока парень проснется, придется долго, и она хотела провести это время с пользой.

Когда Микула открыл глаза, его взору предстали длинные коричневые перья. Каждое перо было похоже на острую стрелу: широкие в начале, они сужались к концу. Оперение складывалось в причудливый узор, манило своей красотой. Поддавшись этому порыву, Микула протянул руку и дотронулся до мягкого оперения. Крыло вздрогнуло и исчезло из его поля зрения. Вместо него появилось темное лицо девушки; в свете костра оно показалось парню зловещим. Узкие глаза сверкнули, словно наконечники стрел, тонкие брови съехались к переносице — девушка хмурилась, поджимая маленькие губы.

— Проснулся? — на удивление, голос её был тёплым и мягким. Парень резко сел, вспоминая, что случилось.

— Тише, тише, — незнакомка удержала его за плечо и мягко уложила на свой камзол. Не зря, ибо голова у Микулы кружилась. Лес пошатнулся и затанцевал со звёздами на чёрном небе. Парень зажмурился.

— Тебя ведьма опоила, — подсказала незнакомка. — Повезло, что я была рядом. Со мной ей справиться не удалось.

— Зачем? — хрипло спросил Микула.

— А вот ты мне и расскажи зачем. Что делал в этой глуши, откуда бегут звери? — вопрос девушки поставил его в тупик. Он не знал, мог ли ей верить, но почему-то

беспокойства она не вызывала. Словно крылья за её спиной подсказывали ему: она такая же, как и он. Не ведьма. Не богиня. А простой человек, обременённый даром бога. Голова ещё кружилась, когда Микула начал свой неспешный рассказ. В котелке медленно закипал лечебный отвар, наполняя воздух горьким ароматом трав. Девушка молча слушала. Микула рассказывал без особых подробностей: про себя, про Настасью, про их цель и наказ бога.

— Велес дал нам деревянные фигурки и отпустил домой.

— А твоя случайно не в виде медведя? — прервала его девушка.

— Откуда ты знаешь? — парень приподнялся на локтях — мир перестал танцевать.

— Есть вещи, которые известны только богам. Вот уже несколько ночей меня мучает кошмар. Там ты и твоя фигурка-оберег. И кто-то хочет её забрать. Наш шаман сказал, что сон надо прочитать правильно. Но я не сильна. В итоге я отправилась в путь, веря, что судьба приведёт меня куда надо. И не ошиблась, — с мягкой улыбкой она

протянула ему деревянную миску с лечебным настоем.

Варево было горьким и горячим. Микула пил в тишине. Велес ли привёл её к нему в помощь? Или иной какой бог — Микула не знал. Он молча пил, ощущая, как горлу становится легче, а в застоявшееся тело возвращается жизнь.

— Я Микула, — представился парень. — Из деревни Медведрука.

— Я Жата, ученица шамана, из селения Песневоля. Оно находится на склоне гор, далеко за краем леса, — представилась девушка в ответ. Микула удивлённо поднял

брови: он никогда не думал, что у леса есть конец. И так же он не думал о том, что там, за концом, кто живёт. Парень был удивлён тому, что за лесом есть такие же люди, как он.

— И там у всех есть крылья? — осторожно поинтересовался Микула. Жата громко и звонко рассмеялась. Из-за спины упали чёрные косы с яркими цветными лентами, а орлиные крылья распахнулись на всю свою мощь, пряча звёздное небо и луну.

— Нет, меня, как и тебя, бог одарил силой. И вот моя сила, — девушка слабо взмахнула крыльями, но даже так вызвала сильный порыв ветра и чуть не задула костёр.

— Чудно-то как, — поражаясь силе и красоте крыльев, прошептал парень.

— Спасибо, — Жата сложила их обратно. — Увы, никто не послал чётких указаний, что мне делать. Так что до недавнего времени я была не осведомлена о том, что надо кого-то спасать. Возможно, явись я раньше — и вам двоим не пришлось бы столько страдать.

Микула отвернулся к костру. Страдали ли они с Настасьей? Он не мог так сказать; конечно, они пытались выжить, но это совершенно по-другому представлялось ему. Да и страданиями благородную цель назвать было нельзя. Лес вокруг одобрительно зашелестел, словно прочёл его мысли.

— Нет, ты ни в чём не виновата. Спасибо, что спасла меня от ведьмы.

— Тебе надо было просто её сжечь, а не подпускать к себе, — строго отметила Жата. Микула усмехнулся. Убивать он никого не хотел. Это было выше его сил. От одной мысли бросало в дрожь. И хоть он понимал, что иначе убьют его, всё равно не мог наступить на горло собственной гордости и принципам.

— Вот бы знать, что ждёт меня там, в будущем, — прошептал парень.

— Так я могу тебе сказать! Я умею видеть куски будущего, меня шаман научил. Хотя нельзя сказать, что это что-то точное, — Жата немного жглась, словно была не

уверена.

— Ты можешь видеть будущее? — в этот момент парень позавидовал своей новой знакомой. Он мог пользоваться огнём, мог слышать шёпот деревьев, но это не шло ни в какое сравнение с предвидением того, что ещё не случилось.

— Любой шаман может, — пожала плечами Жата. — Ваш что, нет?

— У нас-то и шаманов нет. Не представляю, о чём ты говоришь, — стыдливо признался Микула.

— Шаманы — это такие люди, что могут обращаться к богам, к духам природы, могут читать звёзды и собирать осколки будущего. Шаман не видит всю картину, лишь кусочек. Но и того достаточно. Главное — правильно его понять. Не всё, что мы видим, случается, — терпеливо объяснила брюнетка.

— И ты, значит, умеешь?

— Немного, — девушка отвязала мешочек от пояса на платье. Убрала с огня котелок с варевом, раскрыла тёмную кожу мешочка и достала сушёные травы. Микула различил среди них изюм, мяту, кусочки кураги и тмин. Она кинула всё это в костёр, и тот взвился вверх с новой силой. А затем медленно осел, почти погаснув, но дым от него стал плотным, густым и медленно поднимался вверх по спирали. Затем Жата насыпала некий чёрный порошок себе на ладонь и проглотила его. Микулу заставила сделать то же самое.

— Чтобы видеть, — объяснила она. На вкус порошок напоминал золу. Во рту стало неприятно сухо и горько, но парень терпел.

— Теперь сядь у костра, как я, — Жата села, скрестив ноги. Микула с трудом повторил за ней. Она взяла его за руку и запела. Сначала тихо, затем громче. Мотив не был знаком Микуле, но и не о нём он думал. Девушка пела особенно, не так, как другие. Её голос словно бы шёл не из горла, а прямо из груди. И это было так завораживающе. Ленты в её волосах сами расплелись, волосы растрепались, но Жата продолжала петь, слегка покачиваясь при этом. Постепенно Микула осознал, что лес подпекает ей, звучит в унисон. И непонятно: это Жата поёт на языке леса или он поёт на её? Голоса деревьев становились всё громче и громче, сливаясь с грубым голосом девушки. Мотив становился всё резче и быстрее. И Микула увидел их. Звери. Чёрные звери с алыми глазами. Они смотрели на него, ходили вокруг. Но не нападали. Словно бы им важно было не это. Их алые взгляды становились лентами, кружили и кружили вокруг. Микула хотел сказать Жате, остановить её, предупредить. Но девушка сильнее сжала его руку, удерживая на месте. И тут пение прервалось. Лес исчез. Мир поглотила тьма.

В лицо бил холодный ветер. У обрыва скалы стоял парень, сжимая в руке деревянную фигурку медведя. Микула сразу узнал себя. Он хотел закричать от ужаса, но голос исчез. Хотел убежать, но ноги не слушались. И только крепкая рука Жаты позволяла ему не сомневаться в том, что он существует. Парень обернулся на них, но Микула не смог разглядеть эмоций на своём лице. Огромная тень появилась над ним. Микула в страхе попытался снова побежать. Кто его спасёт, если не он сам? Но Жата кинулась на него.

— Нет, — её голос звучал где-то далеко, хотя она сама была рядом. — Нет. Нельзя нарушать видение.

Микула так и замер, смотря на то, как огромные птичьи когти впиваются в плечи парня. В его плечи. Как алые пятна расплзаются на белой рубашке. И огромная рыжая птица с человеческой головой уносит его прочь. Но Жата смотрела не на Микулу — она видела этот сон тысячу раз. И до сегодняшнего на спине птицы не было никого. Но теперь там сидела девушка с пшеничными волосами. Из её больших голубых глаз лились слёзы. Её грусть была столь огромна, что Жате стало больно. Девушка напомнила ей ту ведьму, что она встретила в лесу, но, присмотревшись, поняла, что это не она. Но кем бы девушка ни была, она должна была принести беду — и брюнетка это знала.

Видение оборвалось так же быстро, как и появилось. Вернулся лес, привычный шум листвы, потрескивание костра и горький дым. Жата отпустила Микулу и вскочила на ноги. Она стала ходить рядом с костром, о чём-то размышляя и тихо бормоча. Микула огляделся и понял, что ни зверей, ни зла рядом нет. Были ли они частью видения — он не знал.

— Что это значит? — спросил он у Жаты. Девушка замерла, удивлённо глядя на него, словно впервые видела.

— А ты как думаешь? Конечно, опасность! Зная, что за берег в тебе, я думаю, кто-то охотится за ним. И ты в опасности из-за него. Решено! — её кулачок ударил по ладони.

— Я буду тебя защищать. Доведу тебя до деревни, а там посмотрим.

— Хорошо, — нерешительно ответил парень. У него всё ещё кружилась голова. Было ощущение, что его резко окунули в озеро с ледяной водой, а он смог в нём дышать. Новый мир, новые люди, новые возможности. Столько всего за одну ночь было сложно принять. Микула лёг на землю — она была прохладной и дарила покой. Жата продолжала ходить рядом с костром, что-то бормоча. Микула не мог расслышать её слов, но они напоминали ему колыбельную. От усталости глаза сами сомкнулись, и парень уснул.

— Настасья! — с этим вскриком Микула сел. Его холодные пальцы цепляли пустоту. Лёгкий туман лежал среди деревьев. Костёр почти угас, а в воздухе пахло росой. Рассвет медленно зарождался где-то за горизонтом. Небо окрашивалось в нежный молочный цвет. Жата подскочила от вскрика парня. Тот с ужасом смотрел на неё.

— Настасья... На неё ведь тоже могли напасть, — прошептал хриплым голосом Микула, коря себя за то, что не понял этого ещё вчера. Если ведьмы охотились за ним, то и за ней тоже. Девушка тяжело вздохнула, откинула камзол и отряхнула платье.

Затем, накинув камзол и с трудом просунув крылья, она подошла к нему. Положив ладонь на его лоб, брюнетка нахмурилась.

— Жара вроде нет, — её ладонь была приятно прохладной, но Микула быстро вернулся к прежним мыслям.

— Да при чём тут я! Мы должны спасти Настасью.

— Ты знаешь, где она? — спокойно спросила Жата, засыпая в пустой котёл крупу и заливая её водой. Микула раздул огонь, и девушка благодарно кивнула.

— Нет, не знаю, — понял Микула.

— Тогда как ты собрался её искать? Рыскать по всему лесу? Быстрее себе проблем найдём, — Жата медленно помешивала кашу в котелке.

— Но мы должны... — Деревья вокруг Микулы зашелестели и встали на сторону новой знакомой. Микула от их шёпота отмахнулся. Лучше бы они ему помогли, но лес не

собирался этого делать.

— Давай поедим и пойдём в твою деревню. Оттуда, взяв карту, пойдём в её деревню. Если её нет, тогда уже будем думать, как спасать. Может, на неё и не нападали? В видении её не было.

Микула сел на поваленное бревно и задумался. Жата была права, но внутри он сжимался от страха, что с подругой что-то могло случиться. Конечно, она была лучше него, могла дать отпор, убежать, но... Эти мысли пугали юношу, так что, когда сварилась каша, он с радостью сел есть. На голодный желудок он вряд ли мог кому-то помочь.

— И всё же, используя мой огонь, мы могли бы хотя бы попробовать, — неуверенно произнёс парень.

— Спасать кого-то, не зная, где этот человек, очень сложно. Сначала всё же надо понять, вернулась ли она в свою деревню. Идём. Если быстро двигаться, может, и за день дойдём. Чем быстрее справимся, тем лучше, — Жата встала. Микула взглянул на неё. В свете дня ему казалось, что девушка сверкает. Он не сразу понял, что это из-за узоров на одежде — нити были похожи на золотые. Сама девушка тоже вызывала чувство уверенности лишь одним своим видом. Микула вздохнул и стал собираться. Ему не хватало Настасьи рядом, и тревога за неё только росла в нём.

Глава 3 – И преданный

Настасья не хотела верить собственным глазам, но то место, где она выросла: деревья, окружающий лес, звери, ягоды, дома, поле — всё это исчезло. Она точно знала, что Василиса и Вета привели её в правильное место: родные края она узнала ещё на подходе, но там, где должны были быть избышки, жёлтое поле пшеницы, загоны с животными и родные люди, не было ничего. Чёрная земля, обгоревшие деревья; под ногами у Настасьи хрустели то ли ветки, то ли останки. Удушающий запах дыма, гнили и крови застрял в горле, вызывая приступ тошноты. Она шла вперёд, пока не оказалась в самом эпицентре. Слезы застилали мир, но даже сквозь них она видела места, где были удары молний. Девушка не смогла устоять на ногах и рухнула наземь, сжимая руками пепел и угли. Настасья не кричала, не выла, она и рта открыть не могла — лишь слёзы лились и лились из её глаз. Она не смогла. Она не успела. Она виновата в смерти своего села. Это только её вина, теперь Настасья в полной мере ощутила это. «Зачем мне теперь жить?» — задалась девушка вопросом, смотря прямо перед собой. Но мёртвая земля ответа не дала.

— Настасья! — знакомый голос раздался где-то вдалеке. Девушка подняла взгляд и увидела знакомый силуэт возлюбленного.

— Илюша, — прошептала удивлённо она. Парень был таким же, как и в день их прощания, но теперь он шёл без цветов. В его руках был топор. Левую ногу он почти волочил — видимо, его мучила рана, полученная при пожаре. На его лице больше не было счастливого выражения любви. Лишь злоба и обида. А некогда прямая спина согнулась под тяжестью событий и травм. Настасья была так рада его увидеть, была рада его приходу. Хотя бы он... Хотя бы он выжил — и это придавало ей сил цепляться за жизнь дальше. Она встала и пошла ему навстречу, но, приблизившись, почувствовала неладное. Инстинкты сработали раньше, чем девушка поняла происходящее. Её возлюбленный, прекрасный, добрый человек, обнимавший её

когда-то в лесу, подаривший ей цветы, благодаря которым она не сгнула в болоте, замахнулся на неё топором. Девушка отскочила и упала на спину. Снизу вверх она смотрела на тяжело дышащего парня, чьё лицо прятали белые, как снег, локоны. Он поднял голову — на его лице теперь был большой уродливый шрам от ожога, правый глаз был закрыт, полностью повреждённый огнём. Гримаса на лице была полна ненависти и боли.

— Лучше бы ты не возвращалась, — прорычал парень, занося топор над ней. Настасья перекадилась, и орудие воткнулось в землю. Девушка подскочила на ноги, путаясь в сарафане и жалея, что не сменила его на штаны. Она не понимала, за что с ней так возлюбленный. За что он так её возненавидел.

— Илюша... — ласково позвала Настасья.

— Не называй меня так, — парень отчаянно выдернул топор из земли и направил его на девушку. — Если бы не ты, деревня была бы цела. Если бы не ты... — его горло разорвал крик боли. Настасья в ужасе отшатнулась. Может быть, Илья и был прав: она не успела вернуться.

— За что? За что нам все эти проклятия? — шептал парень, бросив топор и закрыв лицо руками. — Чем ты так прогневала богов?

— Я не знаю. Я старалась, я принесла оберег, — Настасья сжала руки у груди. Что теперь толку от оберега? Кого он будет защищать? Все мертвы, даже земля вокруг.

— Лучше бы ты сгнула. Не знаю, чем ты обозлила богов, но тот день я не забуду. Ты не слышала того грома, не слышала их криков, не чувствовала огня на своей коже, — Илья медленно подошёл к ней, и Настасья усилием воли заставила себя стоять на месте и смотреть ему в глаз. В последний — целый и безумный — глаз.

— Прости.

— Нет, нет. Тут не извинения нужны. Я знаю, как сделать так, чтобы боги простили нас, — он грубо, здоровой рукой схватил Настасью за шею и приподнял над землёй.

Девушка схватилась за его руку, пытаясь вдохнуть хоть каплю воздуха. Она, как рыба на суше, хрипела и билась, из глаз лились слёзы, горло горело от боли. Но Илья не отпускал, держал крепко.

— Я принесу тебя в жертву. Ты сгоришь на этом пепелище. Ты испытаешь те же муки, что и моя сестра, мои мать и отец. Ты будешь гореть, чтобы искупить свой грех, — его пальцы разомкнулись, и Настасья рухнула у его ног, кашляя и тяжело дыша. «Видимо, такова моя судьба», — решила она. И даже не попыталась убежать. Да, она должна была искупить свой грех. Она должна была умереть, а потом встретить семью. Ей больше не было страшно.

«Нет».

В голове раздался тихий голос Волха. Как огонёк надежды и тепла. Настасья огляделась, но никого не увидела. Даже ведьм. Волх умер, это не мог быть его голос — и всё же... «Почему я?» — вновь задалась вопросом Настасья. Почему она должна умереть? Почему она должна была пойти за этим оберегом? Она же не хотела ничего этого, никакой силы, она не хотела. Это был не её выбор. «Никто не будет больше решать за меня», — смело приняла она решение и поднялась. Никто не будет решать, когда ей умереть.

— Лучше бы силой наделили меня, — с горечью сказал Илья, поднимая топор. Шаг его всё ещё был неустойчивый и хромой.

— Да, лучше бы это был ты, — тихо произнесла Настасья. Она уже всё решила.

— Да я смотрю, ты пришла в себя. Наконец-то. Убивать тебя, ничего не понимающей и сдавшейся, было бы ужасно скучно.

— Ты хочешь мою силу, так заberi, — выпрямившись, ответила девушка, гордо смотря на бывшего возлюбленного.

— Запросто, — бросил он, снова замахиваясь топором. Настасья этого ожидала и потому легко отступила. Хромой Илья был не ровня ей — юркой и маленькой. Парень махал топором, Настасья отступала и уворачивалась, зля его всё больше. Не выдержав, Илья кинул топор в неё. Тот тяжело пролетел рядом с её головой — в последний момент девушка успела отклониться. Теперь соперник лишился оружия.

Илья кинулся на неё, но Настасья легко ушла в сторону, обращаясь к матушке-земле. Они были у самого края ещё живого леса. Опалённые деревья не могли ей помочь, но деревья позади отозвались, и земля отозвалась на просьбу защитить. Настасья хотела сковать своего противника, связать, объяснить, что не она виновата в гневе богов, что делала всё возможное. Она искренне хотела, чтобы возлюбленный простил её, и потому ослабила внимание. Этого Илье хватило, и он жестоко схватил её за косу.

Дёрнул вверх, резко ставя на ноги; девушка вскрикнула от боли, чуть не плача.

— Вот ты и попалась, — засмеялся парень, замахиваясь кулаком. Девушка испуганно зажмурилась, прося помощи у матушки-земли. Её желание, выраженное в порыве, было принято слишком буквально. Из-под земли поднялись острые большие шипы, окружив Настасью стеной. Один из них насквозь пронзил Илью. Девушка отшатнулась в ужасе. Решимость погасла, как свеча на ветру, и на смену ей пришёл ужас совершённой ошибки.

— Я не хотела, — прошептала Настасья, видя, как багровая кровь впитывается в землю. — Я не этого хотела.

Чьи-то мягкие руки обняли её со спины. Часть шипов Василиса сломала, пробираясь к Настасье. Та шокированно смотрела на ведьму, продолжая шептать, что не хотела этого. Металлический запах крови вонзился в её лёгкие, река крови утолила жажду мёртвой земли. Словно предвестник зловещего ритуала, на небе скопились тучи.

— Всё будет хорошо, — обнимая Настасью, прошептала Василиса. — Так лучше. Иначе бы он не оставил тебя в покое. Он желал тебе смерти. Матушка-земля лишь защитила тебя. Наши враги должны умирать за нас, сестра. Так правильно, ты всё сделала правильно.

За спиной Василисы молча сидел чёрный волк и смотрел на них красными глазами. Вета знала, что Настасье нужно оправиться от всего этого. В конечном итоге каждая ведьма проходила через это. Первое убийство всегда давалось тяжело, но в итоге с каждым разом было всё проще и проще. Вета знала это по личному опыту — ведь не так давно уничтожила целую деревню.

— Что у вас произошло? — обеспокоенно спросила Лиса, видя потерянную и испачканную в саже Настасью. Василиса спешила и помогла слезть девушке; та смотрела перед собой, поджав губы. С того момента, как умер Илья, Настасья не проронила ни звука. Она вообще не обращала внимания на окружающий её мир. Он

потерял для неё всякое значение. Не было в нём больше любимых людей, друзей, родственников. Настасья отчётливо понимала: она собственными руками загубила последнего любящего человека. Могла ли она теперь быть героем, которым видел её батюшка? Могла ли она теперь называть себя хорошей дочерью, какой её считала матушка? Настасья не понимала, кто она теперь, если не чудовище, носящее в себе слишком большую силу.

— У неё шок, — объяснила Василиса, пока Вета принимала человеческое обличье. Босыми ногами девочка подбежала к старшей ведьме и, кутаясь в юбку сарафана, спросила:

— Сестрёнка, ты же баньку затопила? — Вете было холодно без одежды и без тёплой шкуры: после оборотничества она любила париться в баньке.

— Да, можешь идти, — отмахнулась рыжая.

— Вот и отлично! — подпрыгнула девушка. — Я возьму с собой Настасью. Принесите нам одежду чистую потом. — Вета схватила ничего не понимающую девушку за руку и белым вихрем утянула её в небольшую брусчатую постройку.

В бане было тепло, пахло дубом и берёзой. Вета заботливо помогла Настасье раздеться в предбаннике. Грязный сарафан, рубашка, ленты в косе остались там. Всё, что связывало её с незабываемым приключением, исчезло по велению руки маленькой девочки. Настасья послушно шла за Ветой.

— Лиса всегда отправляет меня купаться одну, но я побаиваюсь. Местный банник уж больно задиристый.

В углу помещения стояла небольшая печь; Вета поспешно плеснула туда ещё воды, чтобы прибавить пару. Настасья остановилась у бочки с холодной водой. Её отражение тонуло в тёмной воде, казалось, что это вовсе не её отражение, а чьё-то чужое. Но долго вглядываться не удалось. Вета энергично начала намывать её; баня наполнилась сладким ароматом ромашки, мыльного корня и календулы. После ополаскивания Вета приказала Настасье лечь на настил.

— Ну, проказник, выходи! Работёнка есть, — весело позвала банника девушка. Берёзовый веник сам собой взмыл в воздух и окунулся в бочку с горячей водой, а затем стал неспешно похлопывать Настасью по спине. Вета довольно кивнула и начала мыться сама, мурлыкая себе под нос незамысловатую мелодию.

Чуть позже она тоже расположилась на настиле, а Настасья села с краю. С ведьмой банник не церемонился, хлестал так, что та временами вскрикивала. Правда, отпустил он её тоже быстро.

— Халтурщик и задира, — со слезами сказала голубоглазая девочка. Она вытянула ножки и, покачивая ими, снова начала напевать. Настасья ощутила лёгкое головокружение и решила выйти первой. Да и молчание становилось слишком напряжённым. Но стоило ей встать, Вета прервала своё мурлыканье.

— Ты их любила? — вдруг холодно спросила малышка. Настасья непонимающе обернулась. О ком она спрашивала? Что имела в виду?

— Родителей, — уточнила девочка, видя непонимание во взгляде новой знакомой. — Ты любила их?

— Конечно. А разве ты нет?

— Я никогда не любила родителей. Впрочем, у нас это было взаимно. Они не могли полюбить меня, — Настасья замерла, эти слова отрезвили её. Вырвали из череды

мыслей и боли, сейчас она словно смогла разглядеть этот мир. Рассмотреть хрупкую Вету, чьё тело покрывали синяки.

— Смотрю, Лиса тебя тоже не сильно-то любит, — заметила Настасья, облачиваясь на стену.

— Это, — Вета провела по паре чёрных кругов на теле, — это не она. Недавно я подралась, ты была без сознания в тот день, — девушка мягко улыбнулась. — Я хотела поймать одного парня, но мне помешала другая девушка. К сожалению, я не очень сильна. Мне приходится либо заимствовать силу сестёр, либо идти на ухищрения. В прямой драке я всегда проигрываю.

— Сочувствую, — Настасье было жаль Вету, но не потому, что та проиграла в драке, а потому, что не понимала: многое можно решить без них.

— Да ничего, скоро заживёт. Скажи, а ты хотела бы вернуть родных? — Настасья решила, что вопрос девочки обусловлен тем, что та никогда не была любима в семье. Вряд ли она понимала значение семьи в целом.

— Конечно. Я бы всё отдала за них.

— Тогда отдай.

— Что?

— Нам, ведьмам, дано очень многое. Но главное — наш хозяин повелевает Змеиным царством. Ты же знаешь, что по Живому ручью души людей уходят туда, вниз, и возвращаются сюда? Мы смогли призвать Сварога из Змеиного царства, где его заперли другие боги. Он может, конечно, куда больше. Достать живыми несколько душ для него не проблема.

— Не думаю, что он окажет мне такую милость.

— Окажет. Каждая ведьма, приходящая к нему на поклон, имеет право просить всё что угодно. Многие из нас просят силу или месть. Но никто не запрещает попросить вернуть семью.

— А взамен — вечное служение и убийства людей? Нет, я на такое не способна.

— Не обязательно. Тебе же есть что предложить, — Вета склонила голову и мягко улыбнулась. Настасья сжала руку на груди: там, под рёбрами, билось сердце, полное боли и надежды; там хранился оберег с силами Велеса.

— Настасья, те, кто желают нам зла, должны умереть за нас. Это нормально. Но те, кто нам дорог, умирать не должны.

Блондинка ничего не ответила, она молча вышла в предбанник, где её ждала Василиса с чистой одеждой. Черноволосая ведьма с беспокойством смотрела на девушку.

— Я принесла тебе штаны, кажется, тебе в них удобнее.

— Благодарю, — пока девушка одевалась, травница поставила перед ней красные сапоги, начищенные, видимо, тоже ею. Настасья снова поблагодарила.

— Нет, не стоит. Сёстры всегда помогают друг другу. Лиса в избе, ты иди, а младшую подожду.

— Хорошо.

На улице было холодно, волосы девушки слегка вились от влаги. Щёки покраснелись, а сердце забилося быстрее. Закатные лучи медленно пробивались сквозь плотные деревья. Их чёрные силуэты прятали остальной большой мир. Здесь было идеальное место для отдыха. Настасье даже нравилось, хотя логово врага не должно ей нравиться. Она тихо вошла в избу; Лиса сидела за столом, о чём-то размышляя. Настасья подошла к ней твёрдым и решительным шагом — ей проще было делать

хоть что-то, чем просто убиваться по потерянной семье.

— Отведи меня к Сварогу, — громко произнесла Настасья, пугая Лису. Рыжая удивлённо посмотрела на девушку, а затем растянулась в хищной улыбке.

— Ну вот так бы сразу. Но учти: путешествие туда, — девушка указала пальцем вниз, — будет не из приятных.

— Я готова.

— Нет-нет. Сначала приведём тебя в порядок. Негоже в таком виде к хозяину приходить.

Когда Лиса говорила, что путешествие будет не очень, она ни капли не врала. Когда зло полностью поглотило Настасью, девушка испугалась не на шутку и даже успела подумать, что так её и убьют. Но уже спустя мгновение зло, которое, казалось, проникло в каждую клеточку её тела, извергло Настасью на холодный каменный пол.

Девушка упала, сильно поцарапав руки и ушибив колени. Лиса за её спиной тихо посмеялась. Настасья, к сожалению, не успела и злобного взгляда ей послать.

Раздавшийся громкий и властный голос обратил всё внимание девушки вперёд.

— Какие гости к нам пожаловали, — мужчина, восседающий на пьедестале в железном кресле, выглядел очень молодо. Не как старый Велес, с бородой и мехами, нет. Этот мужчина статный, красивый и высокомерный. Взгляд его огненных глаз пронзал насквозь, казалось, он видит все твои мысли, всю твою душу. Настасья ощутила, как кровь в теле стала горячее; ей показалось, что её душит жажда, бьёт лихорадка. Это незнакомое доселе ей чувство, ощущение, когда кто-то столь силен, что может уничтожить взглядом, пугало. Не смея смотреть тёмному богу в глаза, девушка опустила взгляд на его чёрные одеяния, на руки в перстнях. Настасья и слова сказать не могла.

— Сиди, не поднимайся, — шепнула Лиса у неё за спиной, а затем обратилась к Сварогу: — Хозяин, я наконец-то смогла привести к вам нашу самую сильную сестру. В её душе слилась сила вас и богини Лады. Она единственная в своём роде, — ведьма говорила так, словно нашла драгоценный камень, за которым давно охотилась. Настасья напряглась от её слов и осторожно подняла взгляд. Мужчина перед ней довольно улыбался и словно бы вообще не слушал рыжую плутовку.

— Ты, конечно, хорошо её хвалишь, но пусть девчонка сама скажет, зачем она тут, — Сварог властно поднял руку, останавливая Лису, и та тихо цыкнула. Затем медленно подошла к пленнице и резко подняла её на ноги.

— Будь вежлива, — шепнула рыжая ведьма. Настасья осталась стоять перед тёмным богом, сжимая руки у груди. Зачем же она тут?

— Я хочу вернуть к жизни мою мёртвую семью. Всех: братьев, сестёр и родителей, — смело сказала девушка.

— И всего-то? А я-то думал, ты будешь более жадной. Запросишь любимого и всю деревню разом, — божественный красавец рассмеялся. Настасья в шоке стояла перед ним. Она и мысли не допускала, что можно вернуть их всех.

— Разве такое возможно?

— Я бог, мне подвластно многое, — скучаяще ответил Сварог, поднимаясь. — Так что захочешь обратно всю деревню — отдам. Только цена за это должна быть соответствующей.

Настасья понимающе кивнула и, закрыв глаза, призвала оберег в свои руки. Деревянный волк оказался в её руках.

— Я отдам его вам, только прошу, верните мне семью и деревню.

— Нет. Этого мне мало, — он отмахнулся от её дара, как от назойливой мухи.

— Тогда что же вы хотите?

— Я хочу оба оберега. У твоего друга же есть ещё один, — хитро заметил Сварог, приближаясь. Он шёл медленно, как змея, подбирающаяся к жертве. Настасья сжала деревянную фигурку. Мысли о Микуле делали больно: разве могла она обречь его на те же страдания, что пережила сама? Разве так поступают друзья?

— Я сделаю это, только если вы пообещаете, что защитите мою и его деревню. Что нас никто не тронет, — смело ответила Настасья, на что Сварог снова рассмеялся.

— Да, теперь я вижу, ты умеешь быть жадной. Так и надо, мышка, — он подошёл совсем близко. — Так и быть. С тебя два оберега и пять лет служения мне в обмен на две деревни и их защиту.

Настасья не стала возражать и молча кивнула. Сварог стоял совсем близко, возвышаясь над ней, поедая взглядом янтарных глаз. Лиса в тени обеспокоенно

поглядывала на них. Мужчина отвернулся от Настасьи и обратился к ведьме:

— Отнеси мышку к её другу. Чем быстрее она справится, тем лучше, — тёмный бог махнул рукой и медленно пошёл обратно. Казалось, что он устал вести этот бессмысленный диалог с девушкой. Лиса поспешно схватила Настасью за руку и улыбнулась:

— Ну, отправляемся, — и зло вновь проглотило Настасью с головой.

Глава 4 – Решение

Когда тьма ведьмы проглотила Настасью, на неё накатила очередная волна тошноты. Девушка корила себя: за предательство, за слабость, за нерешительность. Как она могла? Как посмела даже думать о том, чтобы предать Микулу? И как же легко она решилась причинить боль, растоптать труды, обречь на муки собственного друга. Кто она теперь? А ведь тёмный бог слово своё мог и не сдержать. Все его обещания — пепел. Все его речи — яд. Он отравляет ведьм и теперь её. Конечно, Настасья собиралась остаться рядом с ним, чтобы убедиться, что обещание будет сдержано. Но... Какой мир ждёт её родных и Микулу? Что будет, когда Сварог захватит власть на земле? Об этом и подумать было страшно. Нет, она должна остановить его и тем самым искупить свой грех перед семьёй и другом. Даже если это будет стоить ей жизни, она остановит Сварога.

Тьма выплюнула Настасью обратно в ведьмину избу. За окнами было темно, избушку слабо освещали свечи, а тени от их света танцевали по стенам. Василиса их ждала, сидя на скамейке и уронив голову на руки. Стоило им оказаться в избе, знакомая подскочила, собирая тёмные волосы набок. Василиса усадила новую сестру за стол и дала тёплую чашу с отваром.

Пока Настасья отпивалась и грелась, Лиса пересказала встречу с Сварогом Василисе. Та покачала головой.

— Думаешь, она справится? — в голосе травницы скользили сомнения. Они змеями заползали в сердце Настасьи и сворачивались там тугим узлом.

— А куда ей деваться? Если нет — потеряет родных, — усмехнулась рыжая, глядя на уставшую девушку. — Приодеть её надо бы так, словно и не было у неё встречи с

нами.

— Нет, надо надеть на неё старую одежду. Пусть говорит, что столкнулась с нами, но сбежала. Так ей точно поверят, — Василиса поспешила в горницу и вскоре принесла грязную одежду Настасьи. Девушка послушно переоделась, пряча деревянное солнышко под рубаху и красный сарафан. Василиса постаралась растрепать ей волосы и измазать лицо в саже. Убедившись, что теперь Настасья похожа на человека, прошедшего все горести жизни, она позвала Вету. Лиса довольно кивала, хваля затею сестры. Вета, сонно протирая глаза, вышла к ведьмам.

— Что? — недовольно поинтересовалась она.

— Надо Настасью к Микуле доставить, обернись волком, — строго приказала Лиса.

— Сейчас? Ночь же на дворе, сестра. Может, до утра подождём?

— Нет! — грубо отрезала та. Спорить никто не решился. Все молча вышли во двор. При слабом свете луны обращение Веты в зверя выглядело ещё более пугающим и жутким. Настасья смотрела на это, сжимая кулаки. Обратного пути у неё больше не было.

— Запах знаешь, найдёшь его, — Лиса потрепала белого волка по голове. В этот раз она не стала наделять ведьму силой, чтобы та выглядела более естественно.

Настасья покрутила перстень на пальце. Они могли бы найти Микулу по нему, но ей не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.